

Николай Лесков

Импровизаторы

Николай Лесков

Импровизаторы

«Public Domain»

1892

Лесков Н. С.

Импровизаторы / Н. С. Лесков — «Public Domain», 1892

«Остроумная писательница, из последнего литературного этюда которой я выписал этот эпиграф, обрисовывает дело чрезвычайно верно. Когда летом 1892 года, в самом конце девятнадцатого века, появилась в нашей стране холера, немедленно же появилось и разномыслие, что надо делать...»

Содержание

I	5
II	6
III	7
IV	8
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Николай Лесков

Импровизаторы

(Картинка с натуры.)

*Приходи, моя милая крошка,
Приходи посидеть вечерок.*

А. Фет

*Одни представляли ее себе в виде женщины, отравляющей воду,
другие – в виде запятой. Врачи говорили, что надо убить запятую, а
народ думал, что надо убить врачей.*

С. Смирнова («Нов. вр.», 18 ноября 1892)

I

Остроумная писательница, из последнего литературного этюда которой я выписал этот эпиграф, обрисовывает дело чрезвычайно верно. Когда летом 1892 года, в самом конце девятнадцатого века, появилась в нашей стране холера, немедленно же появилось и разномыслие, что надо делать. «Врачи говорили, что надо убить запятую, а народ думал, что надо убить врачей».

Следует добавить, что народ не только так «думал», но он пробовал и приводить это в действие. Несколько врачей, старавшихся убить запятую для лучшей пользы делу, были сами убиты.

Это случилось, говорят, оттого, что простым людям всего своевременно и терпеливо не объяснили и, главное, не показали им нигде эту самую «запятую», чтобы они видели, как она им вредит. Это, может быть, и в самом деле хорошо было бы показать, но только сделать это было очень трудно: запятая видима только под микроскопом, а в слободах и селениях, где живет «народ по преимуществу», микроскопов (или «мелкоскопов») нет. Поэтому нельзя удивляться, что народу, который впервые услышал про «запятую», вести о ней показались сомнительными. Народ довольно приучен не верить ученым, и он смекнул, кому эта выдумка о «запятой» могла быть выгодна, и порешил наказать лекарей за их выдумку.

В столицах, где образованность несравненно выше, науке оказано совсем иное доверие: здесь запятую видели увеличенную под микроскопом, засушенную и выставленную на окне «в квартире известного журналиста, живущего на окраине города». Об этом было напечатано в петербургской газете, особенно следящей за разнообразными явлениями столичной жизни.

«Журналист, проживающий на окраине», демонстрировал «запятую» множеству людей, между которыми были особы достопримечательного положения. Вид козявки всех удивлял; большинство людей отбегали от нее в страхе, и лишь немногие поддавались успокоительным уверениям журналиста, что «запятая обезврежена», и тогда брали ее в руки.

Так образованным жителям столицы не было никакого труда уверовать в «запятую»; но слободским и деревенским мужикам никто этого не показал, и они в запятую не поверили и до сих пор еще не верят.

II

Рассказанный случай с «увеличенной запятой» газета объясняла так, что журналист, живущий на окраине, «купил шутки ради курьезную японскую козявку», а когда один генерал спросил его, что это такое, – он, по вдохновению, сказал, что это «увеличенная и засушенная запятая». Генерал этому поверил, а журналист стал пробовать: неужто и другие образованные люди могут верить такой очевидной нелепости. И оказалось, что *все этому верили!*

Если сопоставить то, что замечено г-жою Смирновой насчет несоответствия народных взглядов на «запятую», с тем, что журналист, живущий на окраине, обнаружил в людях высшего порядка, то выйдет, что степень легковерия и безрассудства на том и на другом конце общественной лестницы получается как бы одинаковая; но вверху действует козявка засушенная, а по низам ползет что-то живое, и не заморское, а простое доморощенное.

Что же такое заменяло и заменяет засушенную «запятую» в народе? Я попробую показать эту штуку так, как я ее видел.

Тургенев изобразил, как говорит с простолюдином интеллигент и раскольниковый начекич. У первого все умно направлено к делу, а второй вертит «яко» да «аще», и смотришь – этого слушают, а того нет. Малороссу, чтобы его растрогать, надо, чтобы ему свой брат сказал: «граю и воропаю». Я сам помню, как в давние времена в Киеве польский актер Рекановский играл роль в какой-то малороссийской пьесе, где после происшедшего в семье горя жена начинает выть, а муж бросает ее за руку на пол и говорит: «Мовчи, бо скорбь велька!» И после этих слов настала пауза, и театр замер, а потом из райка кто-то рыдающим голосом крикнул: «Эге! це не ваш Шекспыр!» И мнение о Шекспире было понижено до бесконечности.

Надо сочинять что-то такое «дуже прустое», чтобы было в их вкусе – с дымком и с грязью, даже, пожалуй, с дуриной.

III

Летом 1892 года я жил на морском берегу в Шмекке. Тяжко больной, я был далек от личного участия в делах, и даже равнодушно читал в газетах энергические приказы генерала Баранова, но потом мне стало интересно сравнивать их с приказами других администраторов, которые ему подражали и блистали только отраженным или заимствованным светом. Из этой литературы я узнавал, что появились люди, которые распускают вредные слухи о болезни, и что нижегородский генерал таких людей сечет розгами и может когда угодно повесить.

Меры генерала Баранова «в наказании разговоров» производили в большой публике впечатление не особенно сильное и неясное; многие не могли взять в толк: отчего одного разговорщика довольно только высечь, а другого надо еще отдать в санитары, а третьего – «повесить» или, по простонародному выражению, «удавить». Какое тут «распределение всеобщей провинности»? Многие думали, что все это последовательно будет сделано над каждым охотником разговаривать, то есть что разговорщика сначала высекут, потом определяют «горшок выносить», а потом уже, когда он станет ни к чему не способен, тогда дадут ему глухую исповедь и удавят на площади. О самом повешении тоже разноречили: одни были уверены, что «вешать будут только для испуга публики», а потом «курьера выпустят с прощадою», а другие уверяли, что «это не для шутки и никакой прощады не будет, а удавят как следует», отмена же против обыкновения будет только в том, что, «по удавлении разговорщика, отдадут онного родственникам для его погребения». Возникал тоже вопрос о женщинах: «как таковую сечь, если разговаривает, а сама беременна?» По множеству всех этих сомнений мы с толку сбились и спрашивали разъяснений у четырех отставных губернаторов, которые в это лето ходили у нас по плбжу, но они были заняты своим положением и говорили, что ничего не понимают.

Видаюсь со своими соседями – кузнецом, лавочником, лесником – и с своими домохозяевами, я заметил, что они недоумевают: «Какие же это *вредные слова* бывают?» Этого им никто объяснить не мог, а им это было очень нужно знать.

– Ведь вот, – говорили они, – может случиться, что-нибудь такое умственное услышишь и не поймешь в необъяснении случбья, и скассируют насмерть! Мы не можем узнать агитатора!

Это так говорил лавочник, образованный и красноречивый человек, с ораторскими дарованиями которого мы ниже еще познакомимся.

То, что предвидел лавочник, то и на самом деле отчасти случилось.

Раз, когда я шел домой леском из Мерекюля, нагоняет меня няня из одного моего знакомого семейства и говорит, что «в Петербурге уже народ отравляют».

Я ее отговариваю, чтобы она этому не верила, и напоминаю ей про опасность от генерала Баранова; но она не обращает на мои предостережения никакого внимания и говорит, что то, что она знает, это тоже произошло от генерала.

– Ну, – говорю я, – если от генерала, то в таком случае рассказывайте, что вам известно... Но только смотрите, уверены ли вы, что это точно от генерала?

– От генерала.

И она рассказала историю, которую я здесь передам с возможною точностью.

IV

Живет у рынка отставной генерал. От команды отставлен, но военных прав не лишен и ходит в военном образце с поперечиной. На дачу он не любит ездить, а остается в Петербурге, потому что веселого характера и любит разъезжать по знакомым, а вечером на закат солнца смотрит и слушает, как поют француженки. Он пожилой, но очень веселый, и все бы ему с дамами да с красотками; а жена у него старушка, с ним не живет. Прислуги у него три человека, мужчины: камердинер, повар и буфетчик, и все ему верные, потому что им жить у него прекрасно; гости часто в карты играют, и приходимые красотки жалуют, и тогда уже ни в чем нет сожаления. И теперь же, на этих днях, поехал этот генерал в «Аркадию» или «Ливадию» и пробыл там до последнего времени, а потом поехал домой в простом намерении раздеться, божиньке помолиться и бай-бай заснуть; но только что он хотел в дверь свой ключ вставлять, как вдруг запятая! Сама дверь распахнулась, и на него вылетает оттуда его буфетчик, бледный, как шут Пьеро, и лопочет незнамо что.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.